

Мазур Владимир Борисович:

ИСТОРИЯ СЕМЬИ

Мазур Владимир Борисович родился 5 августа 1932 года в городе Иркутске в семье служащих. Мама моя, Мазур Ольга Иннокентьевна, работала в системе «Лензолотофлота». Там же работал и отец, Мазур Борис Константинович. Можно сказать, что именно совместной их работе обязано появление семьи и меня. Родился я в так называемый год Обезьяны. Не собираюсь писать о том, что такое год Обезьяны – это общеизвестно, но должен сказать, что анализ моей жизни, анализ биографии может подтвердить характеристики этого года или их отвергнуть. Пусть читатель об этом судит, исходя из того, что будет написано в этой книге. Август – это месяц под созвездием Льва. Он имеет очень интересные параметры для тех, кто родился под этим созвездием. Хочу отметить, что некоторые события произошли именно 5 августа.

Если говорить о нашей современной жизни, то первый салют в Великой Отечественной войне в честь освобождения в 1943 году городов Орел и Белгород от гитлеровских войск был дан именно 5 августа. Также очень важный документ был утвержден и подписан 5 августа 1963 года: СССР, США и Великобритания подписали в Москве договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, в космосе и под водой.

Ну и много других событий, очень важных как для страны, так и для мира, произошло в этот день – 5 августа.

Как же жила страна в 1932 году? Интересно привести материалы, которыми я располагаю, по стране и по городу Иркутску. В стране в 1932 году все гудело и звенело. Заканчивалась первая пятилетка, одним из лозунгов которой был «Техника в период реконструкции решает все!». Шло яростное соревнование с Западом – догнать и перегнать! В 1932 году введен в эксплуатацию Горьковский автозавод, получен первый магнитогорский чугун, задута первая домна Кузнецкого металлургического комбината, вступил в строй Березняковский химкомбинат, начала работать первая угольная шахта на Воркуте, и 10 октября состоялся пуск Днепрогэс имени В.И.Ленина.

Как это характерно для 30-х годов – энергия, бодрость, подъем, ликование! Основан Комсомольск-на-Амуре – и снова шум, литавры. Пропаганда доказала всему миру, что гигантскую стройку в стране осуществляют исключительно энтузиасты-добровольцы, так называемый, новый человек, рожденный социализмом.

Сегодня мы с вами знаем, что не все строилось и возводилось одним энтузиазмом, хотя, конечно, и это играло огромную роль, а часть – и подневольным трудом тех людей, которые были заключены в ГУЛАГе. На Беломорканале в 1932м работали тысячи и тысячи заключенных – рабский, примитивный, ручной труд. И наш великий русский писатель Максим Горький, славословя перестройку человека на Беломорско-Балтийском канале, к сожалению, вот таких ярких деталей, которые видны были, как говорится, невооруженным глазом, не заметил.

Надо сказать, что к концу 1932 года было коллективизировано 64 процента крестьянских дворов, которым принадлежало около 80 процентов посевных площадей. Ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства явилась исторической победой социализма: было создано свыше 200 тысяч колхозов, 5 тысяч совхозов и около 2,5 тысяч МТС. Короче говоря, внешне – ликующая картина успехов и достижений. Но уже 7 июля 1932 года ЦК ВКПб вынужден был принять постановление об организации хлебозаготовок кампаний 1932 года с требованием, во что бы то ни стало выполнить план, сломив сопротивление кулацких элементов.

В зерновых районах страны к концу года разразился невиданный голод. 7 августа 1932 года был принят Закон «О социалистической собственности», запрещающий людям, умирающим от голода, под страхом самого жестокого наказания брать зерно, имеющееся на складах или оставленное у железнодорожных станций. Законом от 4 декабря устанавливался особый паспортный режим, который делал невозможным для людей, ставших жертвами голода, переезд на другое место жительства без официального разрешения. Недавно рассекреченные архивы говорят о размахе голодомора. Я не хочу приводить эти цифры: думаю, что люди старшего поколения, да и те, кто сегодня близко прикасается к исторической литературе, прекрасно об этом знают. В 1932 году было объявлено о начале антирелигиозной пятилетки (опять пятилетка!). Предполагалось к 1 мая 1937 года ликвидировать все молитвенные дома, изгнать само понятие Бога. Государству было мало взрослых атеистов, и потому было организовано детское движение «Юные безбожники».

В переделке духовного мира человека активная роль отводилась культуре, но культуре советской, социалистической.

Именно в 1932 году были организованы союзы писателей, архитекторов, композиторов. 22 марта появилась статья Максима Горького «С кем вы, мастера культуры?». То есть вопрос ставился ребром: необходимо срочно определиться, кому служить. 23 мая на страницах «Литературной газеты» впервые появился термин «социалистический реализм».

В 1932 году появились такие классические произведения соцреализма, как роман Шолохова «Поднятая целина», пьеса Вишневского «Оптимистическая трагедия», роман Катаева «Время – вперед», поэма Багрицкого «Смерть пионерки» и другие. В журнале «Молодая гвардия» опубликованы первые главы романа Николая Островского «Как закалялась сталь». Поистине знаковой фигурой 1932 года стал Максим Горький. 25 апреля он вернулся из заграницы в Москву, где его ждали давно. Горький стал олицетворением, украшением, фасадом новой жизни в СССР. Он тут же был награжден Орденом Ленина. Имя Горького стали носить столичный Парк культуры и отдыха, Тверская улица и город Нижний Новгород. 11 октября Корней Чуковский с юмором записал в дневнике: «Видел Бориса Лавренева, он говорит по поводу того, что Нижний переименован в Горький».

Беда с русскими писателями. Одного зовут Михаил Голодный, второго – Бедный, третьего – Приблудный, вот и называй города».

Хотелось бы отметить, как жил мой родной город в 1932 году. Я посмотрел старую газету «Иркутский рабочий» от 1 июля 1932 года. Ежедневная газета, орган горкома ВКПб, горсовета и горпрофсовета г. Иркутска. Чем же занимался наш край, чем занимался наш город? В это время еще был Восточно-Сибирский край, который был государством в государстве. В него входили нынешние территории Красноярского края, Иркутской и Читинской областей, Бурятии. Учитывая, что первая пятилетка заканчивалась и должен был начаться этап перехода ко второй пятилетке, Центральный комитет ВКПб, как записано в газете, под руководством ленинского ЦК ВКПб начал обширную работу по подписке на заем. Лозунг такой: «Подписка на заем – есть дело укрепления экономической независимости и обороноспособности СССР». Здесь есть обращение к

трудящимся Восточно-Сибирского края, подводятся итоги работы, как идет подписка на заем, ставятся задачи перед организациями большевиков на местах.

В этом же номере газеты и решение ЦК и СНК о революционной законности, далее – о чутком подходе к каждой работнице, о перестройке работы среди женщин на высшую ступень, о подготовке к зиме и т.д. То есть, помимо общегосударственных вопросов, в этой газете освещались и вопросы чисто местные, иркутские, и, естественно, никаких разговоров о жестком и, наверное лучше сказать, даже необъективном освещении событий здесь не говорится. Хотя и поднимается вопрос о подготовке к зиме – «Мы не должны повторять прошлых ошибок». Зима 1932 года, словами XVII партийной конференции, «приказала «впрямь» ангарскую воду в турбины, начать восточносибирскую металлопромышленность, приступить к добычанию из углей собственной нефти». То есть Иркутск жил такой же жизнью, как и вся наша страна.

Москва в 1932 году была вся в лесах новостроек, прокладывалась первая линия метрополитена, приступили к сносу Охотного ряда, реставрировался Кремль, к сожалению, были уничтожены Андреевско-Александровские залы и превращены в унылый Зал заседаний Верховного Совета СССР.

Строился аэропорт, сносились старые здания и церкви. «С Москвой происходят чудеса, – свидетельствовала одна из западно-европейских газет, – Купола церквей уже не являются символом Москвы. Старые разбиваются в черепки».

Москва из города купеческого, пестрого и лоскутного превращалась в город индустриальный. Именно в 1932 году начали действовать заводы-гиганты «Шарикоподшипник», «Фрезер», «Колибр».

В этом же году, 1932-м, 20 февраля Лев Троцкий лишен советского гражданства, а 9 октября Льва Каменева и Григория Зиновьева исключают из партии и отправляют в ссылку. Это начались тревожные звонки пробуждения сталинской диктатуры, пробуждения авторитарного, диктаторского метода руководства страной; иллюзии большевиков периода Гражданской войны были погребены в будущем под различными репрессиями. Сталин очень жестко подавлял различную оппозицию и, в частности, оппозицию Мартимьяна Рютина, на смертной казни которого он даже настаивал на политбюро. Кстати, Мартимьян Рютин – мой земляк, родился он в деревне Рютино на р. Ангаре. В будущем, когда я работал начальником Милославской структурно-поисковой партии, деревня Рютино входила в зону нашего действия. Естественно, я тогда не знал об этих партийных событиях, но тем не менее мы в этой деревне неоднократно бывали, и даже в геологии Иркутской области Рютино в пределах верхоленской свиты было отмечено так называемыми пачками рютинских песчаников, являющихся очень хорошим маркирующим горизонтом, по которому удобно было составлять структурные карты.

Естественно, много внимания в это время уделялось культуре, строительству новых направлений в театральном искусстве. Конечно, в этот год, говоря обычным штампом, совершались трудовые подвиги, люди влюблялись, женились, разводились, рождались дети. Короче говоря, жизнь шла своим чередом. Хотелось бы сказать, что большое внимание стало уделяться в Москве строительству так называемого Дворца Советов. Это был проект грандиозного здания, и, наверное, его завершению в будущем помешала только война. Сейчас историческая справедливость восстановлена, и Храм Христа Спасителя украшает Москву на своем законном месте.

Естественно, у каждого года есть и уходы, и приходы. Кого потерял мир в 1932 году? Ушел из жизни ярый критик «Капитала» Эдуард Бернштейн, понесла потерю литература: умер Александр Грин, писатель нашего романтического направления, книги которого мы всегда с удовольствием читали и читаем сейчас. 11 августа умер Максимилиан Волошин. Его, как всегда, клеймили за то, что он-де не понял значения Октября. Ну, и загадочное самоубийство Надежды Алилуевой, жены Иосифа Сталина: ее нашли мертвой с пистолетом в руке – и поползли слухи: ее убили по приказанию Сталина, убил сам Сталин, она сама решила покончить с жизнью из-за разногласий с вождем. Официальная версия – Алилуева умерла из-за острого аппендицита.

Так уж заведено: одни уходят, другие появляются на свет. Кем же пополнилось человечество в 1932 году? Бесспорно, на высшую ступеньку успеха вошли: среди женщин – Элизабет Тейлор, а среди мужчин – бывший Президент Франции Жак Ширак. Если обратить взоры на родные пенаты,

то тут целый сонм родившихся в 1932 году и в разные годы мелькавших в политической и общественной жизни.

Выделим двух женщин – Раису Горбачеву и Валентину Гаганову. Очень много писателей: Василий Аксенов, Владимир Войнович, Владимир Максимов, Михаил Шатров, Роберт Рождественский, Римма Казакова, Станислав Куняев. Большое пополнение членов условного «клуба 1932» имеет и кино, и, прежде всего, это режиссеры – Андрей Тарковский и Франсуа Трюфо, Милош Форман и Кониц Нагиса Асима. Кинозвезды, помимо Элизабет Тейлор, – Анук Эмэ, Хария Тандерсон и другие. Есть и наши звезды, но, увы, ушедшие раньше времени, – Изольда Извицкая, Майя Булгакова, Евгений Урбанский. Из живущих – Александр Белявский и Игорь Ледогоров. Среди «клубистов 1932» есть композиторы и какие – Родион Щедрин, Сергей Слонимский, Мишель Легран! И каждому члену клуба – от Леграна по «Шербурскому зонтику» и по «Девушке из Рошфора», Франсис Лей. Есть и спортсмены: знаменитые боксеры – Геннадий Шатков и Владимир Енгибарян, футболисты – Анатолий Исаев и Михаил Огоньков, фигуристы Людмила Белоусова и Олег Протопопов, гимнаст Борис Шахлин, лыжник Николай Аникин, десятиборцы, бегуны, чемпионы и призеры олимпийских игр и прочих первенств.

Мне особенно приятно, что 5 августа родился и игрок «Спартака» Валерий Кечинов, учитывая, что я – спартаковский болельщик и с удовольствием воспринимаю вот такого «клубиста» из спартаковской команды, и российской сборной. Вот, кажется, и все.

Мне казалось, что необходимо просто очень коротенько отразить этапы и события 1932 года. И так, этот год был разноплановый, насыщенный многими событиями. Он повлиял в целом на российскую историю и даже на мировую.

Я – коренной иркутянин, город этот мне очень дорог: дорог своей историей, своим культурным богатством, дорог, собственно говоря, продолжениями идей декабристов, которые в большинстве своем, осели здесь после отбытия определенных сроков каторги и ссылки. Поэтому идеи гуманистические, интеллигентные, которые были заложены декабристами, безусловно, сказались и на облике городской интеллигенции, на строительстве городских зданий, на самом облике этого города. Как писал Юрий Левитанский: «Родные улицы, знакомые кварталы. Город мой, город на Ангаре».

Я рад, что в этом городе у меня остались родные, близкие люди, друзья. С этим городом связано начало моей производственной биографии, и все то, что было дано мне от матушки природы, то, что было дано от родителей, я постарался воплотить в дальнейших своих делах. И хочу сказать еще об одной маленькой детали, которой многие, может быть, не знают. При освобождении города Иркутска Красной Армией в 1920 году был сохранен золотой запас Российской империи, захваченный у колчаковцев. Достаточно серьезная цифра – 2200 пудов золота, что, на мой взгляд, помогло в дальнейшем молодой Советской республике восстанавливать свое народное хозяйство, подорванное Гражданской войной, и в какой-то степени иркутяне должны гордиться этим фактом в биографии города. Город Иркутск, Иркутская область останутся навсегда «альма-матер», где родился, учился, работал, где прошли молодые, а значит, лучшие годы.

В 1986 году город Иркутск отмечал свой 300-летний юбилей. К этой дате иркутяне получили великолепный подарок – книгу «Иркутск – три века, страницы жизни», составителем которой являлся друг моих студенческих лет, большой знаток истории города Иркутска, энтузиаст просветительской деятельности, поэт Марк Сергеев.

К сожалению, безвременно ушедший из жизни. Испокон веков человек считает свой край, землю, на которой вырос, началом начал: здесь начинается его жизненный путь, отсюда выходят все дороги в пространство и время, отпущенные для дел героических и повседневных, для любви и надежд. Сюда рвутся сердца из далеких далей, сюда в заветный час возвращаемся мы благодарно, по-сыновьи поклониться малой своей Родине.

Мы порой не обращаем внимания на истинный смысл того или иного слова, воспринимая лишь его укоренившееся значение. Мы говорим «сибирский край», «иркутский край», имея в виду синоним словам «область», «земля». Но ведь это еще и край земли, конечная точка, куда пришел человек, куда добрался через бурные реки и черную тайгу отряд первопроходцев. Эти слова применимы и к нам, первопроходцам-геологам. Так было и триста с лишним лет тому назад: край

освоенного пространства шел по Ангаре, по Илиму, по Лене. И я благодарен судьбе, что свои первые геологические изыскания с товарищами проводил по этим маршрутам, проложенным в далеком прошлом первопроходцами Сибири.

Понадобились годы, десятилетия, века, чтобы стараниями окрепшего города Иркутская губерния простерла крыла свои на восток: от Байкала – на Амур, Тихий океан и на самую «матерую землю Америки».

И не только хлеб насущный стала рождать сибирская земля, она рождала дружбу народов и племен, недюжинные характеры и великие судьбы. Судьбы лучших сыновей России навеки слиты с судьбой Иркутска. Отсвет высокого стремления их душ, их благородного подвига до нынешних дней отражается в душах и сердцах сибиряков. Этот свет, яркий и чистый, идет к нам сквозь тьму времени от Радищева, декабристов, стремившихся к пробуждению и просвещению народа, деятелей культуры и науки и многих инициативных иркутских исследователей и ученых.

Как признание сыновней любви к своему родному городу, сибирякам звучат слова писателя Валентина Распутина: «Стоит Иркутск, умудренный историей и жизнью, спокойно и мудро, зная себе цену, в меру знаменитый и прежней славой и новой, в меру скромный, издавна культурный, традиционно гостеприимный».

Стоит Иркутск, наделенный долгой и взыскательной памятью камня своего и дерева, с любовью и немалым удивлением взирающий на дела нынешних своих граждан, которые составляют 600-тысячное население, по-родительски оберегающий их от зноя и холода, дающий им жизнь, приют, работу, родину и вечность».

И не могу без законной гордости и волнения привести слова Николая Шелгунова: «Иркутск. Единственный город Сибири, имеющий городской характер. Как Англия создала Лондон и Франция – Париж, так и Сибирь создала Иркутск. Она гордится им, и не видеть Иркутска – значит, не видеть Сибири!».

Теперь хотелось бы написать о том, что предшествовало моему рождению. Интересные биографические данные моих предков удалось раскопать в архивах матери, которые сохранились до момента, когда появилась возможность написать эти воспоминания. Они достаточно неожиданны для меня и позволяют восстановить мою родословную.

Вот первый предок, которого удалось установить, – Фрол Дмитриевич Калашников. Имеется документ государя-императора Александра Николаевича, Самодержца Всероссийского и пр., что Калашникову Фролу Дмитриевичу дается право свободного перемещения по Российской империи, правда, с возвращением в Бадайское волостное управление. Такая государственная бумага, паспорт и т.д. написаны водяными буквами, включая и 1862 год. Интересно то, что в паспорте дается характеристика Фрола Дмитриевича Калашникова, и подтверждается то, что он был сослан в Сибирь как декабрист. Это написал мой дядя, Иван Иннокентьевич Балабаев, дядя Ваня, человек очень пытливого ума, многосторонних интересов.

Я думаю, что действительно Фрол Дмитриевич Калашников был декабристом, поскольку именно со смертью императора Николая I появился такой документ, дающий Калашникову определенные права гражданства, а также амнистия всем участникам Декабрьского вооруженного восстания на Сенатской площади. Я узнал об этом еще раньше и пытался найти в списках иркутских декабристов Фрола Дмитриевича Калашникова, но, к сожалению, не нашел. А до бадаевского архива не доходили руки, было все некогда вплотную заняться этим делом.

Да и, в принципе, неважно, был он декабристом, или нет, просто интересно, откуда корни Калашникова идут. Фамилия Калашников вообще-то достаточно распространенная, включая знаменитого купца Калашникова времен Ивана Грозного, и, как это ни парадоксально, фамилия директора железнодорожной школы № 80, которую я закончил в 1950 году, тоже Калашников, Анатолий Васильевич. Поэтому найти какую-то тропинку, которая бы вывела на след моих предков, достаточно сложно. Во всяком случае, исходя из документов, логично предположить, что, по-видимому, были преступления против государя-императора, за которые моего предка не выпускали из Иркутской губернии. Ну, и его возраст – в 1862 году ему было 62 года – говорит о том, что молодой человек в 25 лет вполне мог участвовать в восстании на Сенатской площади. Я думаю, может быть, просто-напросто у него не было соответствующего звания – дворянина,

графа, князя и т.д., иначе его имя нашли бы свое место в сборнике о декабристах, проживающих в Иркутской области.

Вполне возможно, чин у него был небольшой, и заодно с «благородными» господами – декабристами, сосланными в Иркутскую губернию, его препроводили в ссылку в Бадаевскую волость – это недалеко от Иркутска, где он и проживал.

Отсюда пошли мои корни по материнской линии. Дочь Фрола Дмитриевича, Степанида Фроловна Калашникова, вышла замуж за Антипа Васильевича Балабаева, который был отцом моего деда – Иннокентия Антиповича Балабаева. Здесь более четко прослеживаются родственные связи, потому что уже есть документы, говорящие о том, что Степанида Фроловна Балабаева в 1865 году (свидетельство Иркутского губернского управления) приобрела деревянное домостроение из двух частей по улице Жандармской, к которому шли земли, прилегающие к этому дому, числящиеся также землями гражданки Балабаевой. К сожалению, в Иркутске и в Иркутской области фамилия Балабаев мне больше не встречалась. Было бы интересно просто найти связи нашей родни и восстановить упущенные моменты в биографиях моих бабушки и дедушки, поскольку я не мог найти ни документов, ни писем, подтверждающих, период времени с рождения моей мамы и до начала 20-х годов.

Жена Балабаева – Мария Георгиевна Смагина, моя бабушка, родилась в 1880 году в июле месяце, имеется интересное свидетельство: «Иннокентий Антипович Балабаев и Мария Георгиевна Смагина покорнейше просят Вас пожаловать к ним откушать хлеба-соли 4 февраля 1898 года в 7 часов вечера, Жандармская улица, собственный дом». Вот это чаепитие и положило начало их семейной жизни. Бабушка была из семьи, скорее всего, мещанской, потому что имеется документ о том, что ее отец, Георгий Иванович Смагин, был достаточно авторитетным среди сословия иркутского мещанства. Иркутская государственная управа сообщает ему, что он выбран на должность члена Второго городского поквартирному налогу присутствия, являясь гласным городской думы. По тем временам это был достаточно серьезный пост, который доказывает, что к моему прадеду относились уважительно. Работал он у известного иркутского предпринимателя Второва. Иннокентий Антипович Балабаев также работал приказчиком в магазинах купца Второва. Последний придерживался прогрессивных взглядов и на хорошей основе производил товары.

К тому же рядом был Китай с его большими торгово-обменными возможностями. Уже до начала Первой мировой войны Второв осуществил автопробег Иркутск-Москва, рекламируя подобным образом свои прогрессивные торговые и технические взгляды.

Семья Балабаевых была многодетной, жили вместе, был неплохой доход, престижная работа. По-видимому, и отец бабушки помогал. Детей было трое: первый – Ваня, второй – Кеша, и в 1909 году 19 июня по новому стилю родилась Оля, Балабаева (в дальнейшем – Мазур) Ольга Иннокентьевна, моя мама. Имеется интересный документ – выписка из метрической книги, подтверждающая ее рождение, и – видит Бог – ее рождение было счастливым, потому что она прожила достаточно долгую жизнь, имеет сына, внуков, правнуков и т.д. И дай Бог, чтобы наш род продолжался как можно дольше.

Затем с 1909 по 1917 год по материнской линии получается достаточно большой временной пропуск биографических данных: чем занималась бабушка, как она трудилась, как жила мама и т.д. К сожалению, мама не осветила вопросы дальнейшей жизни моего деда, Иннокентия Антиповича – они выпали из хроники наших семейных событий.

Но дата его смерти – 14 июня 1914 года, подтверждена постановлением № 19571, подписанным начальником Губернского административного отдела Иркутрайисполкома Мельниковым. И его жизнь после рождения матери в семейных разговорах не упоминалась.

Место моего деда Балабаева занял Василий Петрович Ушаков. По рассказам мамы, бабушка, начиная примерно с 1908 года, стала участвовать в работе марксистских кружков, занималась марксистско-просветительской деятельностью. Тогда же она познакомилась с Василием Петровичем Ушаковым, который был по специальности телеграфистом и из Читы приезжал в Иркутск для установления партийных связей. Опять же по словам мамы, одно время в ссылке в Иркутске жил Киров, и у бабушки были с ним встречи, хотя документально это нигде не подтверждено, потому что его пребывание в Иркутске ознаменовано мемориальной доской на одном из домов по улице Халтурина, но, анализируя паспорт бабушки, я не вижу, чтобы она по

этому адресу жила, хотя мама четко утверждает, что такие встречи, такие разговоры с Костриковым Сергеем (Кировым) у бабушки были.

Имеется документ из центрального партархива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где мать благодарят за предоставленное письмо с описанием эпизодов встречи бабушки с С.М.Кировым.

Уже в более зрелом мамином возрасте Василий Петрович Ушаков стал мужем бабушки моей, Марии Георгиевны. Я думаю, что это был революционер, большевик, поскольку в свое время читинская партийная организация большевиков была достаточно серьезной. Подпитка большевистской организации города Иркутска проходила из Читы – Чита, как мы знаем, входила в то время в Восточно-Сибирский край, столицей которого был г. Иркутск, – хотя организация РСДРП в Иркутске уже была сильна.

Мать закончила четырех классное училище уже как Балабаева-Ушакова. Это свидетельствует о том, что все-таки Василий Петрович с ними жил, беспокоился о семье и маме и т.д. Он очень любил мою бабушку. Об этом говорят многие письма – два раза он уезжал из Сибири. Первый раз это было в начале 1917 года. Когда было сформировано Временное правительство, его направили как телеграфиста в Одессу.

Он там работал на Одесской железной дороге. В конце 1917 года он вернулся сюда, в Иркутск. Затем служил в Пятой армии Блюхера комиссаром по телеграфным и почтовым делам, или комиссаром по связи – естественно, не армии, а какого-то подразделения непосредственно в Пятой армии – и был достаточно авторитетным человеком. По сведениям бабушки, которые она мне сообщила, когда я уже вырос и мог это запомнить, он даже присутствовал при расстреле адмирала Колчака и начальника штаба Пепеляева, бабушка сообщила такие факты, которые не были известны широкому кругу людей: сведения эти могли находиться только в секретном партийном архиве. Там были такие детали, которые мог знать только тот человек, который присутствовал при расстреле большевиками Колчака. Колчака расстреливала группа, состоящая только из комиссаров подразделения Пятой армии. Сам адмирал вел себя достойно, чего нельзя было сказать о его начальнике штаба. После расстрела их тела сбросили в прорубь на Ангаре.

Уже работая в Москве, в Министерстве геологии РСФСР, после Пленума Тюменского областного комитета партии, в котором я участвовал, мы собрались у Фармана Курбановича Салманова, начальника «Главтюменьгеологии».

Там присутствовал журналист, который освещал ход пленума, заведующий отделом газеты «Правда» Полторанин Михаил Никифорович. Впоследствии он стал крупным политическим деятелем, министром печати при Президенте Б.Н.Ельцине. Мы разговорились на политические темы, про революционные дела и наши события. И когда я начал приводить примеры расстрела Колчака, он был удивлен: «Владимир Борисович, я это дело только в партийном архиве в Иркутской области смотрел, и вообще, это не для всеобщего пользования. Как ты это дело узнал?». Я говорю: «Вот, по сведениям моей бабушки, на этой казни, на этом расстреле присутствовал мой дед, комиссар телеграфа и т.д.». Видимо, воспоминания бабушки все же были насыщены подлинными фактами, истиной, и дед был достаточно авторитетный и с революционной, и с профессиональной точки зрения. В нашей семье он запомнился как участник вот этого достаточно сложного, скорбного, исторического момента.

Судя по имеющимся документам, по проездным билетам, дед продолжал работу по своему направлению – телеграфистом.

Бабушка и ее деятельность в это время остается в тени, хотя она, в принципе, сохранила верность партийным идеалам, о чем я ниже скажу. Эта очень дружная семья работала и жила в Иркутске. Дядя Ваня, мамин старший брат, уже в то время был достаточно взрослым человеком: ему было порядка 20 лет, поэтому он самостоятельно жил и работал. Средний брат, Кеша, умер во время войны. Дед работал комиссаром электротехнической службы отделения Забайкальской железной дороги. Судя по бесплатным железнодорожным билетам, выданным маме и бабушке, эта сфера влияния была в основном от г. Верхнеудинска (сейчас – г. Улан-Удэ) и на запад, до Тулуна, Канска.

Воспитание детей и содержание семьи требовало устойчивого заработка, тем более в военное время, и бабушка типографским способом печатала вот такие объявления: «Господа, обратите внимание, что таких вкусных и разнообразных обедов вы нигде не найдете, как только на Жандармской, 28. Прошу убедиться!». Определенный приработок был нужен, и бабушка этим занималась.

Кстати, уже в послереволюционное время на нашей улице, 5-й Красноармейской, было опубликовано интересное объявление: «Объявляем, что в центре города открыты меблированные комнаты с дневным пансионом, чистота и уют, цены от 1 рубля и выше». Видимо, и здесь бабушка подрабатывала, учитывая ее опыт приготовления разнообразных блюд в своем доме.

По решению Наркомата путей сообщения дед был направлен в конце 1920 года на Украину, на Юго-Западную дорогу (Киев, Харьков) для восстановления разрушенных Гражданской войной телеграфных коммуникаций. По решению центральных органов на месте пребывания семье гарантировались привилегии. Дед бабушке пишет, что если какие-то есть трудности со снабжением, финансированием и так далее, обратиться к комиссару дороги, потому что он по решению центральных органов был направлен туда в командировку. Ушаков предлагает ей поехать на Украину вместе с дочерью. Затем дед возвращается в Иркутск в конце 1921 года и работает комиссаром отделения Забайкальской железной дороги с 1922 года.

Затем по решению руководства дороги семья Ушаковых-Балабаевых перебирается в г. Канск. Там он работает начальником 2-го участка службы связи и электротехники Забайкальской железной дороги. Эта служба была сосредоточена в Канске. На этой службе он четко определился в сентябре 1925 года, и семья (бабушка, мама и Василий Петрович) переехала в г. Канск.

Затем в СССР начались сложные вопросы с очередной волной переселения в Сибирь жителей из европейской части, с Украины. Можно их называть переселенцами или, скорее, ссыльными: это более подходит. Во всяком случае, большой поток их был направлен в Сибирь, где размещали на свободные земли. В принудительном или в добровольном порядке они переезжали. Естественно, было очень много недовольных среди переселенцев. И дед, человек старой большевистской закалки, участвовал в комиссиях по переселению или по раскулачиванию, хотя в то время, в 1928 году, наверное, раскулачивания, как такового, не было. Было лишь начало всей этой трагедии. Он, видимо, очень активно в этом деле участвовал, потому что в 1928 году погиб под Канском при поездке партийной комиссии.

Они ехали в повозке, две тройки было, как бабушка рассказывала. С ревизионной целью или карательной, я не знаю – их взорвали, дед погиб. Семья осталась жить в Канске.

Действительность и в то время тоже преподносила сюрпризы. Все произошло как раз зимой, и, естественно, выехать бабушка с матерью никуда не могли. Мама там, правда, начала работать, у нее появился определенный трудовой стаж. Она работала в Канском исполнительном комитете с момента приезда в 1926 году до августа 1928 года, в должности регистратора, делопроизводителя. Ну, и как всегда: нет главы семьи – и начинали выселенческие операции из квартиры проводить, хотя дед и пострадал, так скажем, за правду и революционные идеалы.

В газете г. Канска «Труд пахаря» есть интересная небольшая статейка «Я сам – власть» о том, какое отношение было к этой семье, к бабушке и матери: «Живет на станции Канск в маленькой комнате жена бывшего начальника участка службы. Ввиду того, что муж уже не служит сейчас на железной дороге, новый начальник отказывает в квартире и делает это следующим «деликатным» способом.

24 февраля (то есть после смерти деда) он ворвался на кухню, открыл входную дверь и кричал: «Вон отсюда, я здесь хозяин и сам здесь власть!». А куда пойдет женщина в зимнее время? А ведь, кажется, по закону до 1 мая не должно быть никаких выселений. Не мешало бы Шишко, этому властному начальнику, не забывать об этом и впредь не позволять себе подобных выходок». Так что, как мы видим, жизнь у них была не особенно хорошей. Затем бабушка приняла решение, что надо ехать назад в Иркутск: все-таки корни наши в Иркутске. В августе 1928 года они с матерью перебрались назад в Иркутск. Я не знаю, как сложились дела с бабушкиным отцом, Смагиным, но, думаю, помощь была. Когда мой прадед умер, не знаю, но бабушка говорила, что на Иерусалимском кладбище она навещала могилу отца. Когда это кладбище превратили в «Парк культуры и отдыха», его, так сказать, облагородили, и не осталось там ни памятников, ни

ухоженных могил. Найти могилы смагинской родни было невозможно. Хотя, когда был маленьким мальчиком, помню, бабушка мне показывала памятники, и могила Смагина Г.

И. в моем детском мозгу четко отпечталась.

Бабушка вернулась назад в Иркутск. Я не знаю, где они жили по приезду, но дальше уже четко фигурирует адрес: 5-я Красноармейская, дом 17. Там они жили с мамой, а затем и мой отец, и вся наша семья. Это дом, где я родился.

Должен сказать, что приезд в Иркутск благотворно сказался на семье. Мама была достаточно энергичная, хотя у нее было неполное среднее образование. Безусловно, ни института, ни техникума она в то время не кончала. Она торговый техникум закончила потом, работая в послевоенное время, даже заочно училась немного в торговом институте. В то время она просто, видимо, на своей энергии, да на своем оптимистическом настрое работала секретарем-делопроизводителем в различных организациях. И вот конечная точка ее работы – в «Лензолото», где они и познакомились с моим отцом.

Вот такая краткая, по имеющимся возможностям, история семьи по маминой линии.

Позволю себе перейти к родне по отцовской линии.

Как и где жили Мазуры, как работал, где родился мой отец, Борис Константинович Мазур?

Отец мой родился на станции Пограничной Китайско-Восточной железной дороги в 1905 году, по старому стилю 25 октября.

В пересчете на сегодняшнюю дату – как раз в дни празднования Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. Его отец – Мазур Константин Вячеславович, коллежский регистратор по «Табелю о рангах», утвержденному Петром Первым в 1722 году. Думаю, что коллежский регистратор, наверное, – одна из самых низших должностей в «Табеле о рангах», но тем не менее это государственный чиновник. Вероисповедания дед был православного.

Что касается истоков фамилии Мазур, то они очень интересны. В Польше есть Мазурские озера и Мазурская низменность, которые сосредоточены в бассейнах рек Висла и Преголь. Как описывает Г. Сенкевич в своем романе «Крестоносцы», эти места занимали славянские племена подобным названием мазуры. Думаю, отсюда и пошла наша фамилия. Учитывая, что г. Кенигсберг, ныне Калининград, стоит в устье Преголи, территория Восточной Пруссии в древности также могла быть сферой деятельности мазурских племен. Фамилия Мазур носит интернациональный характер. Здесь и знаменитый немецкий дирижер Курт Мазур, бывший президент Польской академии наук В.

Мазур, австралийский теннисист, секретарь Львовского обкома КПСС, наш знаменитый борец Александр Мазур и многие другие.

Все время я думал, что моя родословная связана только с Польшей, и родители отца оттуда уехали в Сибирь. Но вот появилось уточнение у меня – и мы можем подкорректировать, так сказать, мою родословную. Бабушка, мать отца, Анна Адольфовна, тоже православного вероисповедания. До замужества ее фамилия была Ярошевич – Анна Адольфовна Ярошевич, дворянка Минской губернии и уезда. Дворянин Минской губернии и уезда, родной брат моей бабушки, Георгий Адольфович Ярошевич, проживал в Минской губернии, а Лысакова (Ярошевич) Елена Адольфовна, родная сестра моей бабушки, проживала в Вятской губернии. Какова была их судьба, трудно сказать. На этом родня по отцовской линии заканчивается. Написать о работе отца, учебе, работе деда и бабушки по отцовской линии можно весьма скудно, потому что фактически ни документов, ни воспоминаний нет: все, что было, было у отца конфисковано вовремя его ареста в 1938 году.

Видимо, родственники по деду осели в г. Томске, а оттуда уехали строить и работать на КВЖД (Китайско-Восточной железной дороге). Дальше отец вместе с родителями проживал и работал в г. Харбине. Уже при советской власти, естественно, чины все были отменены – где и как работал дедушка, трудно сказать. По воспоминаниям моей матери, дедушка перешел на работу в

медицину уже после установления советской власти. Харбин был свободной зоной, где советские люди имели и Советы, и комсомольские организации, и т.д. У отца был также еще и брат, Николай Константинович Мазур, рождения примерно 1901–1902 года, т.е. он был немного старше отца, и какова его судьба, я тоже не знаю. У него были дети – мой двоюродный брат Юрий Николаевич Мазур и сестра Маргарита Николаевна Мазур, они примерно моего возраста, Юрий – чуть постарше. Судьба их, к сожалению, неизвестна. Единственно, что есть – фотография: в кадре памятник, а бабушка, Анна Адольфовна, стоит около этого памятника, видна и дата смерти – 1929 год. Это, наверное, памятник моему деду по отцовской линии.

Чтобы завершить это описание, должен сказать, что мама после войны сделала несколько запросов о судьбе родни. До войны это все было очень сложно, потому что какие-либо контакты между семьями «врагов народа» не только не поощрялись, а наоборот, вызывали определенные репрессии со стороны действующих органов НКВД, поэтому она этим вопросом не занималась. Папина родня, по ее данным, жила где-то в районе Сталинграда, но, к сожалению, положительных ответов по поиску родственников по отцовской линии мы не получили.

В Харбине отец, видимо, работал или механиком, или шофером. В Харбине была автомастерская «Славия» и автошкола «Прага». Автокурсы «Славия» и автошкола «Прага» были при автомастерской. Есть удостоверение, где сказано, что предьявитель сего, Мазур Борис Константинович, закончил автомобильные курсы при автомастерских «Славия» в городе Харбине и по надлежащим теоретическим и практическим испытаниям удостоен звания «шоффера» – именно с двумя «ф» – г.Харбин, от сентября 13, 1924 года, городской совет, печать и прочее.

Видимо, отец работал в дальнейшем по механической, шоферской линии. Наверное, поэтому и Боря, мой сын и его внук, получил гены деда и закончил автомеханический институт. Хочу сказать, что именно этот период жизни отца, харбинский, не подтвержден никакими документами. Очень краткие сведения я почерпнул из его следственного дела. Отец был комсомольцем, воевал с фашистами. Не фашистами в нашем понимании, а наверное, какими-то потомками, детьми, может быть, белогвардейцев, потому что в то время, в 1925–1926 годах, фашизма, еще как такового, наверное, не было, а вот что касается каких-то идейных разногласий с белогвардейскими потомками, – могли быть. Отец пишет, что был активным комсомольцем, членом бюро райкома комсомола в Харбине, и, естественно всегда поддерживал комсомольскую идеологию. Помимо идеологических споров, были и драки с фашистами, комсомольцы неоднократно арестовывались китайской полицией, их строго наказывали и угрожали семьям. В 1925–1926 годах ситуация в Харбине была непростой: наличие большой белогвардейской колонии в Китае сильно осложняло работу советских людей.

1927 году отца призвали в армию. Кстати сказать, отец свидетельства о рождении и крещении получил во Владивостокской епархии Святой Николаевской церкви. Эти документы еще с дореволюционного времени ушли во Владивостокские государственные службы, в том числе и военкоматы. Он прошел курс военной подготовки и должен был даже остаться во Владивостоке на сверхсрочную, но из-за болезни легких, его освободили от военной службы. Начиная с 1928 года отец находится в Иркутске и работает по своей шоферской специальности, а также, занимает должность механика в «Лензолотофлоте». Учитывая, что образовательный ценз в стране в то время был весьма невысоким, удостоверение об окончании военных курсов в Харбине позволило ему быть руководителем транспорта. И вот здесь начинается совместная работа родителей в «Лензолотофлоте». Мама была достаточно активной комсомолкой, принимала участие в работе отряда так называемой «легкой кавалерии», во всех комсомольских мероприятиях, ну и, видимо, на почве совместной работы и общественной деятельности они с отцом познакомились, полюбили друг друга и связали свои судьбы.

Они поженились в 1931 году, 24 октября.

Отца снова призвали в армию, уже в Иркутске он проходил службу в «Красных казармах». Там стоял артиллерийский полк. Сохранилась фотография, на которой отец проводит политбеседу с красноармейцами. Он был достаточно активным командиром, учитывая и его комсомольское воспитание. Бабушка вспоминала как, он несколько раз даже подъезжал на коне к дому на 5-ой Красноармейской, направляясь из «Красных казарм» по делам в городские органы.

После моего рождения, в 1932 году отец уволился из армии и работал в «Лензолоте» заместителем по транспорту практически до самого отъезда в Казахстан.

Я был на попечительстве бабушки, Марии Георгиевны Балабаевой. Этот этап нашей жизни плохо известен. Ни документов, ни воспоминаний – даже обычных разговоров в семье об этом не помню. Просто обычная работа, обычная жизнь.